

Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук
Отмычка Соломона*

Татьяна

Татьяна Николаевна шла по коридору, сгорая от любопытства. В прошлый раз она рассталась с Соломоном, можно сказать, на самом интересном месте.

Когда они отсмеялись, Соломон вздохнул, откашлялся и сказал:

– Это надо рассказывать долго, и есть риск, что вы все равно не поверите. Кроме того, рассказав вам все, я совершаю должностное преступление, за которое могу лишиться не только работы, но и жизни. Я ни о чем не смею просить и только надеюсь на вашу доброту. Вы не предадите это огласке. В доказательство того, что все это – правда, я могу только обещать, что ваша гематома исчезнет через десять минут.

И тут зазвонил мобильник. Звонил начальник службы безопасности. В варшавском аэропорту исчезли клиенты – пожилой бельгийский коммерсант с супругой. Суточные розыски ничего не дали. Дело осложнялось еще и тем, что фирму им рекомендовал весьма влиятельный клиент, с легкой руки которого Татьяна регулярно получала выгодные заказы. И потерять лицо было весьма накладно для фирмы.

Татьяна Николаевна не была бы таким гением в своем деле, если б отреагировала иначе. Соломон был тут же забыт.

– Еду! – сказала она.

– Вас ждет внизу милицейская машина, самолет на Варшаву вылетает через двадцать пять минут, билет заказан, вас подождут.

* Продолжение. Начало в кн. 64-74.

– Я вам перезвоню, всего доброго! – выскакивая из кабинета, бросила она Соломону и почти бегом помчалась к выходу.

Сбегая по лестнице, она почувствовала, что у нее печет и чешется подбитый глаз, но не стала искать зеркало, а побежала дальше.

Автомобиль стоял у входа, ее ждали. Взвыла сирена, и машина покатила к аэропорту. По дороге Татьяна все-таки заглянула в зеркало – от синяка осталась легкая желтизна, которая неуклонно исчезала. Милиционер передал ей распечатанное сообщение из Варшавы и билет. Мгновенно проскочив таможенный досмотр и паспортный контроль – ее здесь знали и уважали, вскочила в автобус и, не задержав самолет, улетела в Варшаву, с юмором отметив, что летит экономклассом.

В Варшаве были приключения. Почтенный бизнесмен оказался довольно приметной фигурой – вернее, его супруга. Ее шляпку с вишенками и сумку со вставками из кожи змеи видели все сотрудники аэропорта. Но дело осложнялось тем, что супруги прибыли в аэропорт в пересменку, и следовало опрашивать обе смены.

Бельгийцы заявили о пропаже багажа, позвонили встречающему их сотруднику фирмы, что встретили знакомого, придут в гостиницу к десяти вечера, – и пропали. Их не было и в десять утра. Мобильный телефон не отзывался. Охрана на дверях аэровокзала видела, как они то входили, то выходили. Но покинули они вокзал или нет, выяснить не удалось – выходов было несколько, пересменка, и до минуты перемещения туристов никто не отслеживал.

Служба безопасности фирмы подняла на ноги службу безопасности аэровокзала. Вместе они опросили всех служащих, уборщиц, таксистов, облазили весь аэровокзал – вполне добропорядочные господа как в воду канули. Повисло нехорошее слово «похищение». Люди очень состоятельные, но из родственников одна племянница в Гамбурге.

Секьюрити Татьяны Николаевны было выше всех похвал и не беспокоило хозяйку по пустякам. Но если дело принимало весьма неприятный оборот, срабатывало странное свойство самой Татьяны. Когда, казалось, все зашло в тупик, она одним своим

присутствием словно включала цепь благоприятных событий. Сейчас сильно поджимало время. И дело было не в том, что стоимость розысков неуклонно сжирала доход от этих клиентов, – на кону была репутация фирмы.

У входа Татьяну уже ждал сотрудник ее службы безопасности. Оказалось, что, заявляя о пропаже багажа, бизнесмен говорил на чистейшем польском языке – как на родном. Кстати, багаж найден, но не востребован. Кроме того, должна выйти на работу уборщица, которая сдавала смену, когда пропали бельгийцы.

Уборщица была призвана и сообщила, что видела пани с вишенками и змеиной сумкой за разговором с маляром, приходившим брать кипятки.

Выяснилось, что в здании рядом с вокзалом идет ремонт – отделка под офис. Татьяна со свитой из разного сорта охраны и администрации вокзала двинулась в соседнее здание.

Еще на подходе они услышали нестройное пение: «Шла девочка до лясечка...».

На втором этаже царил идилия. На перевернутых ведрах вокруг ящика, покрытого целлофаном, сидела крепко выпившая компания. Раскрасневшийся господин без пиджака, в красных подтяжках, мадам в шляпке с вишенками набекрень и два маляра дружно, но фальшиво пели под выпивку и шпикачки.

Солидная батарея пустых бутылок многое объясняла и внушала уважение. В углу валялся разбитый мобильный телефон.

Господа бельгийцы, по происхождению поляки, отправились на родину в поисках утраченных родственников, о чем, конечно, фирму не предупредили. Родственников они найти не успели, но встретили друга детства прямо в аэропорту. Это событие следовало обмыть, чем они и занимались уже вторые сутки, время от времени посылая сына маляра за ещем. Мобильник, который всегда раздражал пани, она собственноручно разбила после второй бутылки, чтоб не отвлекал. На песни из здания соседи не обратили внимания, потому что маляры и раньше пели, и столь же талантливо.

Господа бельгийские поляки продолжать путешествие наотрез отказались. Но оставили фирме уплаченные вперед деньги за беспокойство. Настоятельно приглашали присоединиться

к выпивке. Кое-как согласились переместиться для продолжения банкета в гостиницу и получить свой багаж.

Проклиная как положительные, так и отрицательные качества славян, Татьяна сбагрила клиентов сотрудникам. К вечеру она улетела в Одессу, пробыв в Варшаве всего три часа, – и опять экономклассом.

Вернувшись в Одессу, Татьяна, еще позанималась делами фирмы. Время было позднее, от перелетов и нервотрепки у нее разболелась голова. Разговор с Соломоном она ради приличия отложила на завтра, хотя любопытство мучило ее довольно сильно.

Дом

– Ну, – сказал Петя, – и что будем делать дальше? В дыру пойдем или вдоль берега?

– Не хочется мне в дыру, – ответил Соломон, – не люблю я все эти катакомбы: сыро, воняет и темно, а у нас даже фонарика нет.

– А по жаре пилить не жрамши, а вокруг ни одной живой души, а если какая и появится – неизвестно, чего ей надо. Опять же: эти парни зашли и вернулись, что уже обнадеживает.

– Может, они там такое увидели, что им жить расхотелось?

– А чего заранее себе могилы выкопали? Приступ ясновидения? Нет, я хотя бы загляну в эту дыру. Если уж нас послали туда, не знаю куда, так, может, эта нора и подойдет. По крайней мере ведет она – точно не знаю куда.

И Петя, переступая с камня на камень, стал карабкаться к пещере. Соломон, переминаясь и морщась от боли в босых ногах, полез следом. Когда он был почти у входа, из пещеры высунулся Петя.

– Там свет в конце. Дневной. И дорога довольно гладкая и прямая. Не далеко и не жарко. Кто нам мешает сначала туда сходить, а потом вдоль моря пилить? Все равно не знаем, что ищем.

Соломон, которому уже изрядно напекло лысину, нырнул в пещеру. Внутри она была довольно высокая и прохладная – путники могли идти не нагибаясь. Вправо и влево уходили какие-то темные коридоры, в которые без фонаря Петя и Соломон совать-

ся не рискнули, и поэтому пошли на свет. Петин ангел-хранитель, видимо, уснул, потому что никакие тревоги Петю не одолевали, наоборот, он пришел в прекрасное расположение духа, что Соломона сильно обнадеживало. Шли они недолго, минут пять – и вдруг вышли на берег моря.

Внизу под обрывом сияло и лениво плескалось море. Горячий ветер колыхал лебеду и лозы кустарника с фиолетовыми картофельными цветочками, название которых Соломон уже не один десяток лет собирался узнать. Пахло горячей пылью.

– Петя, смотри! – воскликнул Соломон и ткнул пальцем в землю.

От пещеры вдоль обрыва и вниз к морю вела дорожка. Посредине в два ряда лежали квадратные черные лавовые плитки. С двух сторон она была вымощена ноздреватым плоским голышом, поставленным на ребро. По краям был бордюр из беленых известью косо поставленных кирпичей.

– Вот это да! Я такое даже на Слободке и за кладбищем видел двадцать лет назад. Ты как хочешь, а я пошел вниз. Раз дорога, значит, люди оседлые и еда.

И Петя зашагал по прохладным гладким плиткам вниз, переступая через каждый второй квадрат. Соломон поспешил следом.

Дорожка, пропетляв между глыбами ракушечника и ямами, заросшими камышом, вывела их на маленький пляжик, покрытый крупным голышом и битыми ракушками мидий. Пахло морем. В прибое лоснились камни, обросшие зелеными и бордовыми водорослями. У Пети из-под ног выскочил большущий пупырчатый краб и боком бросился удирать в воду. Петя изловил его и перевернул, держа двумя пальцами за спинку. Краб шевелил ножками и угрожающе махал клешнями.

– Красавец! Откуда такой огромный? Надо отпустить, может, еще такие разведутся. Он отпустил краба в море и боковым зрением увидел, как мимо камней в золотистой чистой воде мелькнули рыбы-иглы.

– Слушай, это не джинновские штучки? Это не лампа часом? Уж как-то слишком хорошо! Я такого пляжа с детства не видал.

– Какие джинны! Я вот ногу ракушкой порезал, – взвыл Соломон, который уже залез в воду и застрял между камнями. – Дай руку, здесь не выкупаться, может, дальше будет меньше камней.

Петя помог Соломону выбраться на берег. Вправо дорогу закрывала огромная скала, и они пошли по камням влево. Скоро крупные гольши сменились мелкой галькой, пляж стал шире, и вдали показался высокий двухэтажный дом под черепичной крышей.

Петя и Соломон, измученные жарой и дорогой, полезли в море. Ласковая теплая вода смыла усталость. Они перевернулись на спину. Соломон глядел в небо, слушая хлюпанье воды и покачиваясь вместе с упругой волной. Тело исчезло, только кисти рук и ступни отзывались на ласковые прикосновения волн. Петя нырнул и сквозь чистейшую воду смотрел на солнечные узоры на дне, а вокруг шныряли стайки мальков.

Выкупавшись, они уже веселее зашагали к дому, и много быстрее, чем рассчитывали, дошли до конца пляжа.

Дом стоял на обрыве, и к нему вела дорожка, вымощенная дикарем и лавовой плиткой. Путешественники взобрались на довольно крутой подъем и вышли к дому. Он был старый, двухэтажный и стоял буквой Г, образуя подобие двора, открытого морю. Вдоль фасада тянулась двухэтажная выбеленная солнцем галерея, на которой сохли простыни и тельняшки. Между столбами на веревочке сушились бычки и ставридка.

У дома под огромной цветущей липой стояла табуретка, на которой ревел примус. На нем шкварчала огромная чугунная сковорода. Красивая загорелая женщина лет тридцати пяти в открытом сарафане и с волосами, выгоревшими на солнце, жарила скумбрию. Запах цветущей липы, моря и жареной рыбы витал над двором. У нагулявших аппетит Пети и Соломона потекли слюнки.

Женщина подняла голову, окинула путников насмешливым взглядом и голосом Петинной и Соломона мамы сказала:

– Мальчики, мойте руки и идите кушать!

И они пошли. Они помыли руки под гремящим медным ручкомойником, привязанным к липе, и уселись за стол на веранде на скамейку, застеленную тряпичным ковриком. А женщина принесла им тарелки, ложки и вилки.

И начался обед. Они ели уху из бычков, прозрачную, как море, в которой плавала петрушка, кусочки кислого молока и помидо-

ров. И картошку с укропом, и жареную скумбрию, и салат из огурцов с помидорами. И баклажанную икру, и кабачковые оладушки со сметаной. И домашний хлеб, и пирожки с вишнями. И пили домашнее вино. А на закуску им выдали целую миску перезрелых абрикос.

Они ели, а женщина приносила еще и ни о чем не спрашивала, только приговаривала:

– Вы ешьте, ешьте, потом поговорим.

Садилось солнце за выступ дома. Плескалось море. По дорожке пришел смуглый невысокий мужчина, босой, полуголый, в закатанных до колен, вылинявших до белого штанах. В руке он нес огромную камбалу, которая задевала пыль на дороге кончиком хвоста.

– Добрый вечер! Мамочка, возьми рыбу! – спокойно сказал он, передавая камбалу хозяйке, и сел за стол. Женщина перехватила за кукан огромную, как колесо, рыбину и ушла в дом. Мужчина придвинул к себе непонятно откуда взявшуюся тарелку и тоже стал есть.

Опомнившись от еды, наши путешественники вдруг задумались, что им говорить гостеприимным хозяевам. Врать не хотелось, но и непонятно, как говорить правду. Да и о ночлеге не грех было подумать.

– Большое спасибо! – сказал Петя. – Просто замечательно вкусно. И красиво у вас, море, липа цветет.

– Да, да, липа... – неуверенно подключился Соломон, лихорадочно соображая, что говорить дальше.

– Соломон, – обратилась к нему женщина, и веселые чертенята запрыгали в ее прекрасных карих глазах. – У меня просто сердце кровью обливается, глядя, как вы ерзаете. И какие чудные оладушки пропадают от ваших угрызений совести. Давайте я начну, а вы продолжите.

Послал вас джинн Сахр, который у джиннов великий пуриц, но мы не джинны, и нам он по барабану. Пошли вы не по своей воле, а под грамотным убеждением, что многое объясняет. Так, как вы не слишком верите, что вернетесь живьем, боялись вы не за себя, а за близких и город. Поэтому на золото не позарились, где надо не струсили и на рожон не лезли. Вот и пришли

куда надо. То есть туда – не знаю куда. Теперь осталось получить то, не знаю что.

Но нас тут двое: я и Хаджибей. Должен прийти третий. Когда придет, тогда и решим. А пока поживите у нас, покупайтесь в море. Походите по дому. Только в комнаты не заходите, стойте на пороге, потому что войти-то вы войдете, а вот выход я вам не гарантирую.

Солнце село. Над домом тоскливо догорал темно-рыжий закат. Мужчина доел уху и посмотрел на них пристально, изучающе – словно ночь заглянула им в глаза. Женщина закурила сигарету.

– Рассказывайте, – глухо сказал Хаджибей.

И они стали рассказывать. Сначала Соломон, а потом Петя.

Продолжение следует

